

ПОЗДНО светились просторные окна ночного, с иголочки, здания Бобруйского театра после премьеры пьесы С. Свиридова «Операция «Сабина», но вовсе не потому, что шло горячее обсуждение нового спектакля. Счастливым автор произведений, которое отнюдь не случайно долго не могло пробиться к свету театральной рампы, давал банкет. За банкетным столом народам собралась, пожалуй, побольше, чем зрителей на премьеру в просторный театральный зал. Но это обстоятельство мало кого смущало — к нему привыкли.

Вино влилось рекой. Произносились тосты за здоровье автора, режиссера и во славу искусства.

Прислушиваясь к нарастающему гулу на верхнем этаже, представлял охраны на нижней предчувствовал неадекватное. Предчувствие оправдалось с лихвой. Возвышенные речи, одобренные непомерными возлияниями, закончились — увы! — скандалом, описание которого смutilo даже участкового милиционера. Главными героями стали бывший директор театра, ныне помощник главного режиссера по литературной части Н. Манюхин и инспектор Могилевского областного управления культуры А. Козинев.

Молва о громких закулисных событиях наутро пронеслась по небольшому городу, никого, впрочем, особенно не удивляя. К ЧП, связанным с «деятельностью» местного театра, в последнее время бобруйчане попривыкли. Еще не забылось, как актер, втянувший благообразного Деда Мороза на детских утренниках, вечерами на автобусной станции устраивал природно такие пьяные дебоши, что его приходилось утихомиривать в отделении милиции. Было и так, что, выходя на сцену, иной исполнитель, дабы не упустить, не мог оторваться от декорации, а не то что проносить монолога. Тогда его реплики в срочном порядке распределяли между собой партнеры.

Злоупотребляли крепким заместитель директора, он же заместитель секретаря партийной организации Н. Польков, второй заместитель директора В. Дикштейн. Члены коллектива культурного учреждения не раз были «гостями» вытрезвителя, а то случалось и похуже. Не потому ли на спектаклях, даже премьерных, гулким эхом гудит пустующий великолепный зал, над которым на совесть потрудились архитекторы, художники, строители.

Как же мог дойти до жизни такой единственный в городе театр! — законно спросит пораженный читатель. Действительно; как! Ведь расположен он в пределах впадины городского комитета партии и городского отдела культуры, Могилевского областного управления культуры, наконец, Министерства культуры республики.

Чтобы разобраться в этом,

необходимо сделать небольшой экскурс в прошлое. Решение о создании Могилевского областного театра драмы и комедии, который должен был работать в быстроразвивающемся промышленном центре республики, совпало с капитальной реконструкцией старого здания, где до того размещался Театр музыкальной комедии. Практически с первых же шагов, в самый трудный период становления, молодой творческий коллектив (костяк его составил выпускной курс Белорусского театрально-художественного института) был обречен на жизнь без постоянной крыши над головой. Что такое театр без своего помещения, знают многие. Это маршутный творческий процесс, по нескольку

вскоре со всей очевидностью обнаружилось, обернулось бедой для театра. Оба хотели безраздельно «царить», а это неизбежно вызвало острый конфликт. Сейчас уже трудно определить, какое событие послужило причиной взрыва: то ли отказ главного ставить несовершенную пьесу директора, посчитавшего себя драматургом, то ли сопротивление директора присвоению высшей актерской категории супруге Ф. А. Пуховича, претендующей на ведущее положение в театре.

В конфликт были вовлечены группы и группы. Актеры оценивались руководителями по принципу — мой для чужой. «Своими» раздавались роли, поощрения, а чужие — в заголе. «Своими» продались

какие-то сраженье продолжалось, театр стремительно катился под гору. Новый директор В. А. Решетнев не смог одолеть обстановку, пошел на поводу у Ф. А. Пуховича, по рекомендации которого был принят в театр.

Но вот грянул заволашечный банкет. Правильно поступила вновь созданный Ленинский райком партии, которому было поручено разобрать это дело, что рассмотрел его как следствие общего крайнего неблагоприятия в коллективе. Вызывает глубокое удовлетворение та большая, кропотливая работа, которую провела комиссия, вынося вопрос на бюро. Бюро райкома партии пришло к выводу, что руководство театра не способно обеспечить выполнения творческим коллективом поставленных перед ним задач.

Бюро признало неудовлетворительной работу первичной партийной организации театра по осуществлению партийного контроля деятельности администрации. За низкое качество выпускаемых спектаклей, отсутствие четкой репертуарной политики, слабое руководство творческим коллективом, игнорирование мнения партийной и общественных организаций бюро райкома постановило исключить из рядов КПСС главного режиссера Ф. А. Пуховича. Такое же наказание за аморальное поведение и нарушение партийных принципов в подборе кадров понес заместитель директора театра В. А. Дикштейн. Выговор с занесением в учетную карточку получили зам. директора театра Н. Поляков и директор театра В. Решетнев. Все они освобождены от занимаемых должностей. Строгое, но справедливое решение.

История, происшедшая в Бобруйском театре, — явление, разумеется, исключительное, но оно в полной мере обнажает просчеты в стиле руководства учреждениями культуры. Разве не знали в Могилевском областном управлении культуры, в Министерстве культуры БССР о неблагоприятии в театре? Знали и, казалось бы, принимали меры к оздоровлению обстановки — слушали на заседаниях советов, на коллегиях. Однако глубокий анализ состояния дел подмечает поверхностным разбирательством, действительное руководство — общими рассуждениями, деловой требовательностью — окриками, конкретные меры — полумерами. Не потому ли чрезвычайные происшествия случались и в других учреждениях культуры республики.

К вопросу подбора и воспитания руководящих кадров подведомственных учреждений в Министерстве культуры Белоруссии должны подходить с большей требовательностью.

Т. АБАКУМОВСКАЯ,
наш соб. корр.

БОБРУЙСК — МИНСК.

После банкета

выездных спектаклей на неделю, бесконечные гастроли. Такое испытание по плечу не каждому, даже устойчивому коллективу. Энтузиазм молодых актеров быстро угас. К третьему сезону многие поразмышляли по иным городам, и большинство из них сейчас успешно работают в других театрах. А в бобруйском началась чехарда главных и очередных режиссеров, в каждом новом сезоне почти полностью сменялась труппа. К приходу на пост главного режиссера Ф. А. Пуховича, на пост директора Н. А. Манюхина обстановка в театре была неутраченная. Половина труппы — вакансия, в репертуаре всего три спектакля, хозяйство запущено. С активной помощью городского комитета партии новые руководители энергично взялись за исправление положения. И надо им отдать должное — на первых порах, работая дружно, они добились немало: пополнили репертуар, стабилизировалась труппа, оздоровилась обстановка в коллективе. За это их заслуженно хвалили, активно поддерживали и... пропустили начало опасной болезни, которая, подобно раковой опухоли, впоследствии развела коллектив. Действовал по принципу: вот, мол, перейдет театр в новое помещение, тогда и возьмемся по-настоящему за дело. Отсюда и снижение требовательности, художественных критериев, легковесность репертуара. Просчеты руководства, малые и покрутнее, привычно списывались на «особые условия», это рождало у руководителей театра чувство вседозволенности, а при наличии vizкой этнической культуры и директора, и главного режиссера, которая

пьянки и леоприглядные поступки. Общественные организации занимались разборами тяжбы двух враждующих лагерей.

В 1980 году Бобруйский горком Компартии Белоруссии на заседании бюро слушал вопрос о состоянии трудовой дисциплины и политико-воспитательной работы с кадрами в коллективе Театра Драмы и комедии им. Дунин-Марцинкевича и пришел к неутрачиваемому выводу о нездоровом морально-психологическом климате в коллективе, о закулисных интригах, о нетоварищеских отношениях между директором и главным режиссером. Бюро обратило внимание на слабость влияния общественных подразделений, на отсутствие контроля партийной организации театра за деятельностью администрации, на безделье художественного совета и снижение уровня спектаклей.

Через полгода бюро горкома в порядке контроля вновь изучало положение дел в театре и вновь отметило, что обстановка в коллективе не только не оздоровилась, но еще более осложнилась. К сожалению, действенных мер принято не было. Бесприцельную позицию занимала партийная организация театра, не сумевшая объединить и повести за собой коллектив.

В марте 1981 года своим решением Министерство культуры республики освободит от занимаемой должности директора театра Н. А. Манюхина, но должной оценки деятельности главного режиссера дано не было. К тому же и Н. А. Манюхин был оставлен в театре в должности завлита За-